

Глава 86. Демонические добродетели. (Гермиона Грейнджер)

Крестражей, то есть — медальона и диадемы, мы так и «не нашли». Так что решено было, что Тонкс, вместе с нами, останется в цитадели Дома Блэк на все выходные. Думаю, к вечеру воскресенья реликвии Основателей так или иначе обнаружатся. А пока что, чтобы несколько успокоить встревоженную общественность (в лице мадам Боунс) Тонкс передали несколько вещей из запасников Дома. Даже портрет Вальпурги, и Кричер признали, что обмен нескольких вещей, не имеющих особой магической либо эстетической ценности на действующего аврора и лояльность ее начальницы — хорошая сделка. Так что после чаепития Тонкс убрела сдавать проклятое золотишко в аврорат, пообещав «вернуться так быстро, как только можно», а мы отправились в зачаток моего домена, где как раз начинали происходить действительно интересные вещи.

Смотреть, как Луна закутывает Джинни в химеру, было любопытно. Нет, то, что Луна сумела убрать из внимания и восприятия Джинни то, как рыжая поднялась с диванчика и встала на четвереньки — фокус довольно-таки обыкновенный. Многие вампиры, демоны, да и смертные маги способны играть с сознанием окружающих и на более высоком уровне. То, как Луна расставляла на спине Джинни розетки с вареньем и блюдца с десертами, которых не было, но которые могли бы быть — тоже не представляло из себя чего-то особенного. Химеры Малкавиан способны и не на такое. Но вот заставить одежду «которая есть, но которой могло бы и не быть» сместить баланс своего существования в сторону того конца шкалы, где написано «не быть» — это номер по любым меркам вполне нетривиальный. И то, как его исполнила Луна — это действительно нечто, и показатель высокого класса.

— Развлекаешься? Или тренируешься? — я воплотила иллюзию своего существования таким образом, чтобы тем, кто на внутренней поверхности казалось, что я вошла через камин. Отзвуки лазурного ветра прозрения и иллюзий окружили меня ласковыми всполохами. Мантия из черного шелкового страха с серебряными прожилками надежды легла мне на плечи. В туфельках из обломков хрустальных замков, сплавленных вместе пламенем непреклонной воли, ноги мои чувствовали себя более уютно, чем в любой материальной обуви, которые мне доводилось носить ранее. Я шагнула вперед, пропуская Гарри в свой домен, и он воплотился следом за мной, в броне из собственной силы и багрово-алом плаще пролитой крови. Впрочем, последний почти немедленно исчез, а броня превратилась во что-то, что неискушенный взгляд мог принять за обычную форму ученика Хогвартса. Хотя, надо сказать, взгляд Луны «неискушенным» не назовешь. Ей для того, чтобы видеть такие мелкие трансформации реальности даже астрально-спектральные очки не особенно нужны, хотя с ними, конечно, гораздо удобнее.

— Неплохо, неплохо, — похвалил Гарри Луну. — В химеру ты ее затянула чисто...

Луна радостно улыбнулась. Все-таки, хотя Морион не является в полном смысле этого слова кровавым братом, но вот сыном Маклава он был дольше, чем Луна вообще живет. И похвала от того, кто обладает настолько превосходящим опытом — всегда приятна.

А вот Джинни, когда Гарри предложил ей подняться и одеться, вместо того, чтобы последовать этому совету, зажмурилась и замотала головой, при этом стараясь делать это настолько аккуратно, чтобы не стряхнуть сервировку со своей спины. Интересно: это отголоски химеры, в которую ее закутала Луна? Или рыжей действительно нравится?

Я опустила на диванчик, которого только что тут не было, и провела по спине Джинни, как касалась бы дорогой и красивой антикварной мебели.

— Знаешь, Гарри... пожалуй, в этом что-то есть...

Я взяла из блюдечка на спине Джинни йоркширский парфин, и отхлебнула янтарный чай из чашки, которая материализовалась у меня прямо в руке. Я кивнула, поблагодарив Луну. Не то, чтобы мне трудно было это сделать самой... Но, оказывается, когда тебя вот так вот обслуживают — это... приятно. Одежда на Луне интересным образом мерцала, временами приобретая совершенно недопустимую для школьной мантии, но странно уместную здесь и сейчас прозрачность. Видимо, Луна игралась установками степени материальности своего облачения. И, надо сказать, что с учетом ее не оформившейся подростковой фигурки это выглядело даже более эротично, чем полная нагота Джинни.

Я припомнила «внутреннее совещание» более чем полутора годичной давности, и, наконец-то осознала, что вся моя множественная личность Аналитика (кроме, разве что Пай-девочки, но ее голос в данном вопросе можно было и не учитывать) сошлась в едином выводе: «Да, нам надо!»

— Хм... — произнесла я, отхлебывая янтарный чай. Каждый его глоток ласкал мой язык и небо совершенно непередаваемыми оттенками вкуса: мятной свежестью, фруктовой кислинкой, хрустящим ягодным вкусом... но все время оставался самим собой, так что не оставалось сомнений — это «янтарный чай» и ничто иное. — Гарри... Я тут много думала... — В паузы никто не вклинился, так что я продолжила. — Идея «делить тебя с толпой девушек» — мне, как выяснилось, не очень нравится...

— Не дели, — вздохнул Гарри, но был при этом, мягко говоря, не вполне искренен. Все-таки такие демонические добродетели, как жадность, мешающая отпустить то, что уже посчитал своим, и гордыня, не дающая усомниться, что уж он-то с гаремом точно управится — в душе Ксеноса Мориона однозначно присутствуют.

Джинни еще сильнее потупилась и опустила голову. Луна же тихонько светила улыбкой, опираясь на перила несуществующей здесь и сейчас лестницы. Впрочем, для Безумного пророка предсказать следующую мою фразу вряд ли представлялось особенно трудной задачей.

— Однако, идея делить их, — я обвела рукой, в которой так и оставалась чашка с чаем, Джинни, Луну и отсутствующих близняшек, а также, возможно, и еще более отсутствующую Габри, а другой — скользнула со «столешницы» на одну из ножек свежееобразовавшегося «столика», заставив Джинни вздрогнуть, — с тобой — мне почему-то кажется уместной.

— Почему бы и нет, — рука Гарри накрыла мою ладонь... и я растопырила пальцы, чтобы он прикоснулся не только к моей руке, но и к «ножке столика». Розовое свечение, распространявшееся из-под рыжих волос, рывком увеличило интенсивность, окрашиваясь во все более и более багряные тона.

Я провернула мир вокруг себя, черпая силы в этом изменении, и формируя тонкие, но бесконечно прочные нити связей, и заметила, как то же самое делает и Морион. Раньше добрая девочка Гермiona ужаснулась бы самой идее таких вот неравноправных и несимметричных связей, но сейчас в душе младшей княгини демонов леди Аметист не дернулась даже Пай-девочка. Кажется, это и называется «корраптом».

Паутина связей охватила замершую Янтаринку, веселящуюся дочь Малкава, протянулась к бесконечно далеким, и столь же близким рубиновым ключам, и включила их в себя. Я несколько поколебалась насчет Габриэль Делакур и Астории Гринграсс, но Мори предложил

пока не решать насчет них, но оставить для них место. И я молча согласилась.

Мир закончил вращаться, и я провозгласила, констатируя очевидное:

— Они — наша свита. Наша Дикая Охота!

Шелковый страх на моих плечах темнел, становясь чернее черного, наливаясь оттенками ужаса и отчаяния. И тем ярче светились на этом фоне серебряные знаки надежды. Одевание мое окончательно утратило всякое сходство со школьной формой, превращаясь в женский охотничий костюм. Доспех Мориона почти светился темным пламенем Удуна. Зеркала будущего разбивались одно за другим, и на их месте вставали все новые и новые. Пояс, сплетенный из серебряных струй ихора, оттянула тяжесть «эспада ропера» — меча, что носят не с доспехами, но с одеждой. Черная поверхность адаманта, металла, кованного призрачными молотами в вовсе непредставимых глубинах варпа, радостно взблеснула, и я поняла, что знаю ее имя. Но произносить его я посчитала излишним. Нити оружия... или — оружейные нити? легли поверх формирующегося узора, скрепляя и упрочняя его, храня и защищая. Черный камень в рукояти Кайгерн Скрытной полыхнул яркой вспышкой, знаменуя исполнение давнего договора.

Я кивнула Луне, и девочка материализовалась у меня на коленях, при этом не оставив никакой уверенности, что она вообще преодолела расстояние между нами. С некоторым сожалением я отпустила янтарный чай, и погрузила пальцы в светлые волосы дочери Малкава. Притянув ее голову, я впились в ее губы жестким, требовательным поцелуем. Когда же я посчитала достаточным — Луна исчезла с моих колен, и точно также материализовалась на коленях у Гарри. Наблюдая, как она целует моего парня, как его рука проходит сквозь ее одежду, ставшую еще менее материальной, чем раньше, я не чувствовала ни капельки ревности. Ведь сейчас она передает мой поцелуй. Она — наша! И где-то в глубинах то ли варпа, то ли моей души довольно мурлыкнула мантикора — существо, вообще склонное к стайному образу жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/69520/1850768>